

АЛЕКСЕЙ СТАРЫХ

САМОСБОР БЕТОННОЕ СЕРДЦЕ

Алексей Старых
Самосбор. Бетонное сердце

«Издательские решения»

Старых А.

Самосбор. Бетонное сердце / А. Старых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535089-3

Гигахрущевка — бесконечное и вечное пространство многоквартирного дома. Спутник всех её обитателей — постоянный ужас перед неизведанным явлением Самосбор. Смерть или чудовищные мутации — последствия зловещего явления. Никто и ничто не может полностью защитить от ада. Очередная научная экспедиция попала в ловушку. Лифт, последняя связь с населенными этажами, уничтожен. Единственный путь ко спасению ведет через многочисленные коридоры, населённые опасными существами.

ISBN 978-5-00-535089-3

© Старых А.
© Издательские решения

Содержание

Самосбор	6
Глава 1. Герои нашего подъезда	7
Глава 2. Труба	11
Глава 3. Мертвый воздух	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Самосбор Бетонное сердце

Алексей Старых

Корректор Алиса Дмитриевна Локалова

© Алексей Старых, 2022

ISBN 978-5-0053-5089-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самосбор

Самосбор – явление неустановленной природы, происходящее время от времени в Гигахрущевке и затрагивающее большое количество этажей. Доподлинно неизвестно, что такое Самосбор, почему и при каких условиях он происходит, а также как влияет на организм человека, однако в любом случае влияние пагубно сказывается на здоровье любого живого существа.

Временно охватывает коридоры и лестничные клетки, есть шанс непроникновения в жилища при запертой и неповрежденной гермодвери. Смертелен, у попавших под Самосбор на затронутых этажах вне закрытого помещения шансов выжить нет. Гермодверь не означает полную защиту и безопасность.

Глава 1. Герои нашего подъезда

– Дашь семисменку в одну смену! – вещал с высокой трибуны лысеющий мужчина под громкие аплодисменты. – Только ударным темпами работы каждого из нас мы сможем защитить трудящихся всей Гигахрущевки от буйства стихии Самосбора! Враги трудящихся – чернобожники, диссиденты и прочая религиозная погань – говорят: Гигахрущ не сможет прожить без нас! Без нас все развалится, и Гигахрущ вымрет. Такие речи фанатиков-тунеядцев не смутят, не запугают, не обманут рабочих! И вот – чтобы навсегда спасти трудящихся от гнета оккультного мракобесия, от установления их власти, надо создать великую армию труда! Она будет непобедима, если в ней будет трудовая дисциплина. Трудовая дисциплина, бешеная энергия в труде, готовность на самопожертвование, тесный союз рабочих и ликвидаторов – вот что спасет население навсегда от гнета Самосбора!

Стены цеха тряслись и гудели. Сотни рабочих восторженно кричали «Ура!» и одобрительно махали выступающему. Смена на заводе по производству гермодверей заканчивалась весьма нетипично. После внезапного перевода директора в какой-то НИИ из соседнего блока прислали нового крепкого хозяйственника. Мужики говорят, что раньше он занимал канцелярскую должность в наркоме пищевой промышленности и вообще ничем не выделялся. Видимо, руководство решило спихнуть серую мышь подальше от себя, дабы освободить место для более инициативных. Хотя – кто знает, что там у них происходит. Коммунистическая партия Гигахруща КППХ никогда не отличалась гласностью своих деяний. Из-за чего даже ее существование ставится под сомнение некоторыми маргинальными слоями. На самом деле никто и никогда не видел ни одного члена центрального комитета. Для рядового жителя есть только главблочки, народные комитеты и многочисленные мелкие общественные организации, которые транслируют партийную волю и круглосуточно следят за ее исполнением. Мелкие функционеры и царьки всех мастей удобно расположились за герметичными шлюзами верхних этажей, изредка выползая из теплых нор с очередной порцией пламенных речей и кричалок.

– Для исполнения этого плана нам нужен новый тип трудящегося! Активный, находчивый и бесконечно преданный идеалам коммунизма! Такой, как Александр Сергеевич Тимофеев! – директор поднял на сцену невысокого жгучего брюнета в потрескавшихся очках. – Благодаря его рационализаторскому предложению мы смогли сократить расходы сырья на пятнадцать процентов, в то же время увеличив прочность изделий на треть! Товарищ Тимофеев не только талантливый инженер, но и примерный семьянин! По этому случаю мы награждаем вас, Александр Сергеевич, похвальным листом и талоном, дающим право на внеочередное приобретение одного непродовольственного товара в течении цикла.

Не поднимая взгляда, Тимофеев принял подарки и крепкое рукопожатие своего начальника. Аплодисменты качающейся волной побежали от края толпы до сцены и тысячами игл пронзили виски инженера. И он спешно покинул сцену, дабы не упасть в обморок у всех на глазах. Рабочее время уже давно подошло к концу, и можно было отправиться на свой этаж, в родную ячейку.

Блок СГХ 433А являлся хорошим примером самодостаточного микрогосударства. Сто семьдесят пять этажей были полностью укомплектованы. Имелось тридцать производственных уровней, включая три пищевых и ткацкую мануфактуру. В случае полной изоляции можно было бы выживать за счет собственных ресурсов многие гигациклы. Правда, если последствия Самосбора будут столь же катастрофическими, как на семьдесят третьем этаже в прошлую

семисменку, все самообеспечение полетит к чертовой матери. Потребовалось несколько смен и целая рота ликвидаторов, чтобы вычистить лифтовую шахту от слизи и крови, а семьдесят третий забетонировали наглухо, со всеми выжившими.

Когда-то давно молодой семье Тимофеевых предлагали взять там ячейку, но чуйка Сашу вовремя отвела от такого подарка. Хотя жена, Зина, еще долго попрекала своего суженого, что вместо просторной двушки приходится ютиться в какой-то конуре с маленьким ребенком. Теперь все претензии забылись.

Тимофеев дернул стальным ключом, и дверь с глухим скрипом покорно впустила хозяина квартиры. Дома царило спокойствие. За стенкой тихо шипел кухонный кран в сопровождении неровной ударной партии жестяных кастрюль и тарелок. Воздух наполнялся эхом печено-сладковатого запаха готового ужина. Ароматная палитра моментально проникла в мозг Тимофеева и поманила к источнику шума. Не разуваясь, Саша прошелся по старому ковру, оставив пыльные следы на нейлоновом ворсе. Завернув за ободранный угол, он увидел порхающую среди кухонной утвари стройную фигуру в горчичном платье. Зина была увлечена мытьем грязной посуды. Журчащая вода окончательно заглушала все посторонние шумы, не давая ей и шанса заметить приход мужа. Саша по-хозяйски уселся за кухонный столик и занял позу ожидания, осуждающе скрестив руки на груди.

Гражданка Тимофеева уже домывала последнюю тарелку, как вдруг чьи-то руки схватили ее за талию. От испуга Зина с грохотом выронила тарелку, пролив на платье содовый раствор.

- Мама! – радостно пропищал детский голос.
- Сына, ты меня напугал, – с облегчением сказала Зина. – больше так не делай.
- Не буду, – сказал ребенок, сжимая руки. – А можно я посмотрю мультики?
- Я же сказала, когда папа придет, тогда и посмотришь.
- Кхм-кхм, – демонстративно покашлял Саша.

Зина обернулась и встретила недовольный взгляд мужа. Она молча подала одобрителный жест ребенку, и тот радостно ускакал в комнату.

- Ой, Саша, ты уже.
- Как и всегда.
- Прости, – нервно тараторила она, – закрутилась, даже не заметила, как ты пришел, – Зина достала чистую тарелку, положила на стол и наполнила ее еще теплыми белыми лепешками. – Вот, оладьи приготовила, как ты любишь.

Саша скептически потыкал указательным пальцем блюдо.

- Белый концентрат, – холодно сказал он. – Как же все это достало.
- Так розового уже второй цикл не дают, а я помню, как ты их любил.
- Стопку налея.
- Саш, может, лучше отвара? – умоляющим взглядом посмотрела жена. – Тебе же...
- Стопку налея! – угрожающе повысил тон Саша, перебив ее. – Я не могу это есть всухомятку!
- Нету... – по лицу Зины прокатилась слеза. – Ты вчера последнюю выпил.
- Врешь, там еще полпузыря было, – прохрипел Саша, сжимая кулаки. – Доставай, куда спрятала!
- Да нет же, вы с Митрохиным все выпили! – буквально переходя на плач, сказала Зина.
- А если найду?

– Да пожалуйста! – закричала она, размахивая руками по сторонам. – Ищи, ищи где хочешь! Хоть всю ячейку переверни!

Саша вскочил из-за стола, схватил Зину за волосы и зарядил ей две звонкие пощечины.

– Не смей кричать на меня! Поняла?! – оттягивая темный плетеный пучок волос, рычал Тимофеев.

– Сашенька, отпусти, мне больно, – умоляла Зина.

– Учю тебя, учю, а толку ноль, – презрительно шептал он. – Муж пришел с рабочей смены, хочет отдохнуть, выпить нормально, а жена целый день дома сидит и пальцем не поведет, чтоб мужику хорошо сделать.

Неожиданно на кухню прибежал сын. Тимофеев спешно убрал руки с волос жены и как ни в чем не бывало сел за стол. Зина отвернула заплаканное лицо от ребенка и стала имитировать привычную деятельность.

– Что тебе, сына? – сдерживая плач, спросила женщина.

– А можно мне к Степе пойти поиграть? – спросил ребенок.

– Уже поздно, – ответила Зина, – пойдешь завтра.

– Ну ма-ам! – жалобно пролепетал ребенок.

– Слушай, что мать сказала! – вмешался отец. – И вообще, нечего с ним шляться. Я тебе говорил не ходить на лестницу! Постоянно вас в закрытых секторах ловят.

Ребенок насупился и обиженно зашагал прочь с кухни.

– А ты куда смотришь, мать? – продолжил Саша – Сын разгильдяем растет.

– Буду воспитывать, – покорно сказала Зина.

– Будет она, – хмыкнул Саша. – А раньше что мешало? Или пока не всыплешь, голова не работает?

Ответа не последовало. Зина тихо всхлипывала, оттирая пригарь кастрюли, моля про себя, чтобы это все кончилось. Тимофеев молча доел ужин, демонстрируя всем своим видом презрение к блюду.

– Я пошел к Митрохину, – сказал Саша. – Может, хоть там будут гостеприимнее, чем в собственном доме.

Тимофеев быстро вышел из-за стола и широким шагом покинул ячейку, громко хлопнув гермодверью напоследок.

– Мам, – вопрошая подошел сын. – Почему ты плачешь?

– Я не плачу, сынок, – успокаивала его Зина. – Просто капелька соды в глаз попала.

Коридорные лампы дневного освещения постепенно переходили в вечерний режим. Во многих местах вместо них включались слабые желтые источники света. Этажи готовились ко сну. По узкой лестнице, едва шевеля ногами и шатаясь во все стороны, брел домой инженер Тимофеев. За время своего похода он успел три раза споткнуться, из-за чего разбил линзу в очках, оторвал кусок перил и уронил в промежуток между пролетами заводской пропуск.

– Наверно, паленка попалась, – размышлял он. – Митрохин, гад! Напоил меня, а мне еще на работу завтра! Как я такой там появлюсь?

Медленно волоча ногами и цепляясь за стены, Тимофеев все же добрался до своего этажа. Оставалось еще каких-то двадцать метров, и можно будет спокойно упасть в кровать, а завтра –

будь что будет. Подойдя к своей двери, Саша стал неуклюже шарить по карманам в поисках ключа.

– Где ты, говнючок? – тихо приговаривал он, приманивая неуловимый кусочек металла.

Основательно обшарив все карманы, инженер пришел к выводу, что ключи ушли вслед за пропуском.

– Открывай! Ык! – застучал Саша по металлу гермодвери.

Реакции не последовало. Тогда он постучал еще раз. И еще раз. Но это не привело ни к каким результатам.

– Ну, мать, ты у меня еще получишь, – с заплетающимся языком сказал Саша. – Пойду обратно к Митрохину, он настоящий друг. А с тобой, – пригрозил он указательным пальцем двери, – мы завтра поговорим.

Только Саша успел развернуться, как по ушам вдарил этажная сирена, а в воздухе загулял запах сырого мяса. Тимофеев с ужасом упал на дверь, силясь повернуть гермозатвор, но лишь оторвал каучуковую накладку вентиля.

– Слышь, открой! – беспорядочно барабанил он. – Открой, кому говорю! Ты че удумала? Открывай, хуже будет!

Тем временем в ячейке Зина лежала на кровати, крепко прижав к себе ребенка. Она слышала все: и сирену, и стук по металлу двери, и призывы мужа. Она лежала с холодным стеклянным взглядом и слушала, пока ребенок мирно спал.

– Зиночка, милая, родная, – жалобно вопил Саша, – открой пожалуйста, хоть ради сына! Я пить брошу, только открой.

Дыхание Тимофеева сбилось, в какой-то момент он даже понял, что резко протрезвел. Сейчас он был готов отдать все что угодно, лишь бы дверь открылась. Спустя минуту жалобных завываний он понял, что никто не откроет. К ногам Саши медленно приближался кипящий фиолетовый туман. Отчаяние, страх, ненависть, все смешалось в безумный коктейль. Сердце выбивалось из груди.

– Открой, тварь! – срывая голос и кидаясь на дверь, орал он. – Открой, паскуда! Убью гадину!

Через пару мгновений голос Саши приобрел жидкие горловые тона. Постепенно отдельные слова превращались в неразборчивую какофонию ужаса и невыносимой боли. Удары в дверь становились все реже и тише, пока и вовсе не сошли на нет. Наступила звенящая тишина. Все было кончено. Начался Самосбор.

Глава 2. Труба

Сначала была пустота. Не было ни вод, ни ветра, который бы носился над ними, поднимая волны. Не было абсолютно ничего, только глаза, созерцающие бесконечную пустыню тьмы. Говорят, что их тоже не было, но откуда им знать? А я знаю. Не уверен откуда, но точно знаю. В начале был подъезд, за ним этаж и лестничная клетка. Лифт появился позже, хотя сам он это отрицает. Он вообще большой спорщик. Однажды на этой почве он поссорился с первым этажом и сговорился с лестницей устроить ему бойкот, с тех пор и не общаются. Некоторые цокольные этажи не раз пробовали их помирить, но лестница их жестоко наказала, убрав перила на нижних уровнях.

Едкий ритмический звон металлическим маршем наполнил комнату. Прорываясь на волю, глаза растащили в стороны тяжелые веки, за что были сразу наказаны тусклой лампочкой, чей умирающий желтый свет обрушился на неподготовленный взор. Юра хлопнул по будильнику и нехотя вернулся в реальный мир. Хотя слово «реальный» он посчитал бы очень спорным. Как новоиспеченный заведующий отделом прикладных исследований НИИ «Механики» Юрий Александрович предпочитает термин «наблюдаемая действительность». Такие слова, как реальный или настоящий, базируются на вере в непреложную истинность сигналов от органов чувств, которыми мы воспринимаем окружение. Когда ты живешь в бетонных стенах безразмерной Гигахрущевки, постепенно теряешь смысл во всякой вере. Недавний эксперимент является тому подтверждением.

Институту очень повезло, что на этаже имеется секция с окнами, выходящими наружу. Вид из них не блистал разнообразием – серый туман облаков, уходящий в бесплотную пустоту. Руководство не придумало ничего лучше, чем организовать там курилку. Однако профессор Елезаров, или как его все звали коллеги – Леонид Степанович, решил воспользоваться расположением и провести эксперимент по определению высоты этажа. Участники эксперимента собрали ударопрочный сферический зонд и скинули его из окна вниз. Стальной шар, поблескивая маячками, пролетел несколько десятков этажей и скрылся в густом мраке. После этого автоматика зонда еще четыре часа передавала данные о положении и скорости, пока не замолкла. Быстрый анализ последних строк телеметрии показал, что зонд достиг твердой поверхности и проработал еще пять секунд. Лицо профессора моментально преобразилось. Казалось, что его пористые морщины порозовели, а в глазах блеснула едва уловимая искорка.

Все вернулось на круги своя, когда зазвонил телефон. Напуганный женский голос на том конце сбивчиво сообщил, что его обладательница нашла этот номер среди обломков в ее квартире. Прибывшие на место ликвидаторы доложили, что зонд прошел сквозь тяжелую гермодверь, оставив в ней полуметровую дыру, попутно пробив несколько стен соседних комнат. Как Юра потом выяснил, звонок был с пятого этажа строения Р237, что значительно выше этажа НИИ. Леонид Степанович пробубнил формальные извинения и пообещал гражданке поставить ее в очередь на устранение ущерба. После чего положил трубку и шагнул в пустоту оконного проема. Этот шаг запустил цепочку событий, о которых никто даже и не мог тогда подумать.

Тело профессора так и не было обнаружено, хотя поисков толком и не вели. Однако кресло заводделом пустовало, что было более острой проблемой в умах руководства. Тогда-то и предложили кандидатуру Юрия Александровича. Общее собрание членов райкома партии единогласно утвердило нового заведующего отделом «Прикладных исследований», а также

посмертно объявило выговор профессору Елезарову Леониду Степановичу «за неразумное расходование ресурсов института и причинение ущерба гражданским лицам».

Цепь мыслей оборвал внезапный и настойчивый глухой стук в гермодверь.

– Кто там? – натужно бодрым голосом прокричал Юра.

– Двенадцатая группа ликвидации последствий Самосбора, – ответил глухой бас. – Немедленно откройте дверь!

Юра быстро накинул мятый лабораторный халат и повернул тугой вентиль. На пороге стоял боец в противогазе и черном бронежилете, дуло автомата было нацелено точно в переносицу молодому ученому. Только Юрий потянулся в карман за удостоверением, как тут же получил удар в грудь и был повален на пол. Тем временем группа из двух ликвидаторов вошла в квартиру и стала дотошно осматривать каждый угол в поисках аномальных образований.

– Я руководящий сотрудник НИИ «Механики», Мечников Юрий Александрович, – сквозь кашель кричал Юра. – Личный номер 3141592.

– Сохраняйте спокойствие, это стандартная процедура, – ответил боец, удерживающий его.

Где-то спустя двадцать минут и один опрокинутый шкаф ликвидаторы покинули блок, оставив брошюру-памятку «Действия во время Самосбора». Времени на завтрак уже не оставалось, а опоздать в свой первый день на новой должности Юра очень не хотел. Пришлось жевать сухой концентрат на ходу, разводя его водой прямо во рту.

Привычной очереди в лифт, к счастью, не наблюдалось. Створки дверей медленно раскрылись, обнажая настенное творчество в виде среднего пальца точно по центру кабины. Знакомый запах пыли со старой мочой медленно окружил ученого. Скрипучий механизм отсчитал семь этажей вниз и замер.

– Нет-нет, только не сейчас! – Юра судорожно тиранил кнопку вызова диспетчера, но безрезультатно.

За створками дверей послышалась сирена, и механический голос интеркома огласил.

– Внимание! Начинается Самосбор. Всем немедленно запереть двери и не покидать своих квартир до прибытия Ликвидаторов!

Обычно предупреждают за пять или семь минут, этого хватает, чтобы вернуться домой, но в текущем положении это было неважно. Во время Самосбора лифты отключаются вплоть до его окончания. Хорошо, что во всем строении заменили старые кабины на герметичные. Хотя ни одна дверь не гарантирует безопасность. Самосбор не щадит никого: ни детей, ни сильных, ни стариков, ни партийных деятелей.

Месяц назад после очередного Самосбора погиб председатель райкома. У него была не обычная гермодверь, а настоящий шлюз, с множеством степеней автономной защиты. Однако, когда он не ответил Ликвидаторам, все сразу почуяли неладное. Подручными средствами вскрыть шлюз не получилось, пришлось нести плазменный резак. После полутора часов работы бойцы смогли проникнуть внутрь. Перед ними в кресле-качалке сидел целый и невредимый председатель. И вроде бы на первый взгляд все нормально, но когда он встал, чтобы сделать выговор командиру группы, кожа на нем порвалась и осталась на кресле, словно прилипла. А кости и внутренность рассыпались по полу, заполняя все коричневой слизью.

Юра уже давно смирился, что Самосбор может настичь его в любой момент. У каждого сотрудника НИИ на этот случай вшита ампула с ядом. Уж лучше тихая и безболезненная смерть, чем это. Рука медленно потянулась к ней, но остановилась на полпути. Стоп. Всегда перед началом Самосбора витает запах свежего мяса, а в кабине пахло только пылью и старой мочой. В этот момент сердце Юры отпустило, никогда в жизни он так не радовался этому запаху. Остается только дожидаться, когда его вытащат ликвидаторы.

Ожидание оказалось на редкость недолгим. Уже через пять минут лифт тряхануло, и кабина медленно продолжила свое движение. Тем временем остатки комков пищевого концентрата застряли в глотке, что вкупе с окружающими ароматами вызвало рвотный позыв. И когда двери лифта открылись, Юра выдал содержимое желудка прямо на брюки высокого, тучного, одетого в костюм мужчины со старческой плешью.

Это был Виссарион Иванович, директор НИИ «Механики» и почетный член Партии. Он имел репутацию сурового технократа, который ради своих интересов не гнушается никакими средствами. Ходят слухи, что еще в подростковом возрасте он сознательно подставил своего брата под Самосбор, чтобы обойти его в сборе металлолома. Естественно, никаких расследований никто не вел, списали на несчастный случай. Но с того момента в глазах родителей Виссариона читался непостижимый ужас при виде сына, до конца их жизни. Со смертью родителей тоже не все было гладко. После вступления Виссариона в Партию его мать загрызла отца и покончила с собой, прыгнув в шахту лифта. На фоне такой биографии можно долго строить конспирологические теории, но Юра никогда не придавал этому значение – до сего момента.

Каменное лицо Виссариона Ивановича сменило оттенок с болезненно-серого на ярко-красный. Остаток волос поднялся дыбом, обнажая набухшие вены. Тело Юры приняло защитное положение, демонстрируя свое раболепие и искреннюю вину за случившиеся. Словно из пулемета, ученый обстреливал директора извинениями, даже попытался загладить свой проступок, начав вытирать грязные брюки. Виссарион Иванович не сказал ни слова, лишь отмахнулся от надоедливой подчиненного и скрылся в кабине лифта.

«М-да, вот тебе и первый день в новой должности, – раздосадовано подумал Юра. – Как бы теперь не уволили. А ведь правда, если уволят, что тогда? Пушечным мясом в Ликвидаторы?» В голове у Юры стали проигрываться многочисленные сценарии его смерти от последствий Самосбора. Начиная с самых безобидных, вроде внезапной остановки сердца, заканчивая частичным врастанием в стену где-нибудь в заброшенных секторах и одновременно медленным поеданием червями-мутантами. Полет фантазии продолжился ровно до входа в отдел.

Перед глазами Юры предстала весьма печальная картина. Не было ни столов глав секторов, ни шкафов с документацией, лишь продавленные пятна выцветшего линолеума напоминали о их местонахождении. Кабинет был совершенно пуст, если не считать облако пыли, танцующе переливающееся в свете газоразрядных ламп. Даже тяжелый бронесейф покинул свое насиженное место. На лице ученого читалось искреннее недоумение, он даже на миг подумал, что ошибся дверью.

Впрочем, в перепроверке не было нужды. Из-за спины Юру окликнул молодой лаборант, намереваясь вручить приказ директора об уплотнении помещений. Собственно, в самом приказе говорилось о том, что отдел прикладных исследований переезжает в четвертую лабораторию, а их бывшее помещение переоборудуется под склад высокотоксичных материалов.

Не то чтобы это сильно большая проблема, но четвертая лаборатория занимается испытаниями высокопрочных материалов. Там и в перерывах дальше метра без крика ничего не слышно, а в остальное время находиться в ней без защиты слуха просто опасно. Ни о какой нормальной работе там говорить не приходится. В другой бы раз Юра попытал счастье у Виссариона Ивановича, но в свете недавнего инцидента лучше ему на глаза не попадаться.

День приобретал все более и более яркие краски.

Помещение четвертой лаборатории представляло из себя жалкое зрелище. На стенах под облупившейся краской зияли пятна сырости. Тусклая «лампа Ильича» едва освещала окружающее пространство, которого по сути и не было. Между многочисленных барокамер, спектрометров и лазерных станков проходила узенькая тропинка, соединяющая дверь с рабочей зоной.

На удивление Юры, привычный шум фотонного компрессора, наполняющий собой лабораторию с утра до ночи, сменился на бульканье и слабый металлический стук. Разгадка таилась в глубине техно-джунглей. На маленьком пятчке у стены развернулся межведомственный сабантуй. Отдел прикладных исследований слишком широко трактовал свое название и, скажем так, распространял его дальше своих должностных инструкций, прикладываясь к жестяному стакану с мутной жидкостью. Тем временем два молодых гладко выбритых лаборанта в мятых халатах суетились вокруг самопальной перегонной установки. Юра демонстративно покашлял, но кроме скучающих взглядов в свою сторону он ничего не дождался.

– Никак новоселье отмечаем? – устало проговорил Юра и сел на табурет в углу стола. – Вы бы хоть предупредили, что кабинет забрали.

– Так мы сами только утром узнали, мы тебе даже записку оставили.

– Ничего вы мне не оставляли, – раздраженно отметил Юра.

– Ну как же? Серега тебе на стол положил.

– На тот? – ученый показал на стол в самом углу зала.

В воздухе повисло неловкое молчание.

– Ладно, – нарушил тишину Юра. – Стакан есть?

Василий вытащил из недр столовой тумбочки мятую жестяную кружку и подставил ее под кран медного змеевика, который тотчас изрыгнул из себя серую жидкость.

– Светлая память, Леонид Степанович, – Юра поморщился и опрокинул в себя горькое зелье.

Подчиненные покорно последовали примеру начальника и опустошили свои емкости.

– Замени фильтр и подними температуру на пять градусов, – Юра сделал замечание лаборанту и, хлопнув его по плечу, направился к своему рабочему месту.

Включив настольную лампу, начальник отдела принялся разгребать бумажный хаос, доставшийся в наследство от покойного предшественника. Примерно через полтора часа непрерывной сортировки отчетов, заключений и приказов Юра почувствовал, как по лбу стала стекать маленькая дурнопахнущая капля. Потом еще одна и еще одна. Глаза медленно проследовали по траектории вверх, пока не наткнулись на проржавевшую трубу, проходившую вдоль всей лаборатории и над столом ученого.

– У вас капремонт когда запланирован?

– Ну так, – замялся лаборант, – вроде две недели назад был.

- А это что? – Юра показал на трубу.
- Так это, новую поставили. Старая вообще сыпалась на глазах, каждый день новая заплатка.
- Как вы тут вообще работаете? – почти срываясь на крик возмутился Юра.
- Так и работаем. Нам выбирать не приходится, сам знаешь, незаменимых людей нет. Будем пальцы гнуть, мигом в отряд зачистки отправят, на корм тварям. А тут хоть оклад, жалование хорошее и место тихое.

«А ведь и правда», – подумал Юра. Давно говорят, что завхоз в доле с директором. Один краску налево таскает, а Виссарион Иванович поддельные сметы подписывает, не без собственной выгоды. И ведь ничего не сделаешь, там все, до самого верха, повязаны. Вот и приходится терпеть. Хотя в данный момент Юра понимал, что в этом месте у него никакого терпения не хватит. Поэтому остаток времени до обеда он провел сидя на столе, подставив на свое место стеклянный таз.

Среди многочисленных документов то и дело встречалась одна и та же незнакомая фамилия, обрамленная в синюю звездообразную печать.

- А кто такой Кириенко Эс Пэ? – обратился к присутствующим Юра.

Ответом было молчание и россыпь пустых взглядов.

- У нас звездная печать у нач безопасности, – пояснил ученый.
- Ну, так Митрохин начбез, Сергей Степанович, – недоуменно ответил Сергей.
- А я о чем? При чем тут Кириенко?
- Позвольте, такие печати не только у него, – вклинился в разговор один из лаборантов. – Насколько я помню, СБ их использует.
- Мы все тут под колпаком, особист на особисте, особистом погоняет, – рассмеялся Вася.
- Молчал бы лучше, а то всех нас здесь... – Сергей сквозь зубы осадил коллегу.
- А я что? – невинно развел руками Василий. – Я ничего, просто хочу выразить искреннюю благодарность за то, что берегут меня от меня самого же.
- Так, хватит! – Юра решил остановить крамолу, пока не поздно. – Иди домой и проспись, а отгул задним числом напишешь.

Василий бодро выпрыгнул из-за стола, одарив присутствующих театральным поклоном. Подойдя к выходу, он резко обернулся назад и изогнул руку в локте со сжатым кулаком.

– Слава Партии, товарищи! – он чуть ли не нараспев прокричал лозунг и скрылся в дверном проеме.

Персонал отдела таял на глазах, хотя после самогона продуктивность труда и так была сомнительная. «Но что теперь, все бросить и завтра с чистой головой? – вздохнул про себя Юра. – Кстати, о штатном расписании. Где начлаб? Сложно поверить, что вся лаборатория держится на двух зеленых юнцах».

- А ваши-то где? – поинтересовался Юрий у лаборантов.
- Уже третий день на нижних уровнях, полевые испытания проводят, – почти синхронно ответили парни.
- Третий день, говорите? – удивился ученый.
- Да, мы разработали новую систему прогнозирования Самосбора, – воодушевленным голосом стал рассказывать самый молодой. – В теории, она сможет определять его за полчаса до начала. Согласно нашим данным, на цокольных уровнях частота Самосбора выше на две-

надцать процентов, вот и решили там проверять. Хотя вы же понимаете, что явление не самое пунктуальное, видимо, ждут момента.

В последних словах лаборанта прозвучали нервные ноты. Такое чувство, что его начало одолевает беспокойство за судьбу коллег, которое он всеми силами пытался скрыть.

Дожимать парнишку Юра не хотел, лишь скорчил искусственную улыбку, мол, «да, да, все хорошо», и хотел было закончить разговор. Однако побороть природный научный интерес Юра так и не смог.

– Позволь поинтересоваться, а на каких принципах действует ваша система?

– Конечно, – ответил лаборант. – Наши коллеги из НИИ «Слизи» обнаружили необычный эффект стабилизации ядра стронция-90. Один из их самоходных зондов, снабженный радиоизотопным термоэлектрическим генератором, попал под Самосбор в заброшенном блоке. Связь с аппаратом была потеряна, хотя экспедиция, обнаружившая его, отметила, что зонд находится в превосходном состоянии. Полевой техник сразу понял, что истощен источник питания. Честно признаться, я бы даже не подумал проверять силовую установку, рассчитанную на двадцать лет работы...

– Ну-ну, и что там? – перебил собеседника Юра, пытаясь отфильтровать ненужную информацию.

– Так вот...

Услышать продолжение было не суждено. В момент, когда лаборант взял карандаш и бумагу для наглядного изображения рассказа, на головы научных сотрудников обрушился ливень из ржавой ледяной воды.

Старая труба из раздражающего, но все же маленького, неудобства превратилась в настоящую катастрофу. На глазах у суетившихся ученых погибало тонкое научное оборудование. Юра срочно послал Василия к центральному вентилю, пока сам вместе с лаборантами занялся тщетным спасением ценного имущества и документации. Вода быстро заполняла помещение, просачивалась за дверь и перекрытия. Вскоре научный персонал уже стоял по щиколотку в бурой жиже, которая ручьем выливалась в центральный коридор. Годы исследований превращались в серую кашу. На глазах Юры силились навернуться слезы, но неожиданный выброс в кровь адреналина сместил эмоциональный спектр в красную зону.

Ученый стиснул зубы и со всего размаху ударил кулаком железную дверь.

– Достало! – прошипел он.

Ничего не объясняя, Юра оставил коллег самих разбираться с последствиями инцидента, а сам, чавкая промокшими ботинками, отправился «поговорить по душам» с Виссарионом Ивановичем.

Кабинет директора разительно отличался от остальных помещений НИИ. Мягкие обои пастельных тонов вкупе с качественным освещением создавали ощущение свежести и уюта. Стены были увешаны дипломами, благодарственными письмами и наградами. Сам Виссарион Иванович заседал за гигантским столом из мореного дуба с многочисленными резными узорами. Многие, обладая таким произведением декоративно-прикладного искусства, держали бы его под плотной скатертью или полиэтиленом, снимая его только чтобы похвастаться перед гостями. Но директор был человеком практичным и не считал зазорным использовать стол

по прямому назначению. Чему свидетельствовали многочисленные засохшие пятна дефицитного кофе на краю стола.

Четыре настойчивых – нет, не стука, а настоящих удара нарушили уютную атмосферу кабинета. Не дожидаясь разрешения, Юра распахнул дверь, готовясь обрушить шквал недовольства организационной работой руководства. Но поезд праведного гнева разбился о стену невозмутимого пристального взгляда оппонента, так и не начав движение.

Молчаливая дуэль продолжалась долгих пятнадцать секунд. Первым нарушил тишину Виссарион.

– Так это вы. Такой молодой, а уже карьеру себе портите. Не тем вы занимаетесь, Юрий... – медленно чеканил слова директор, поднимая тональность с каждой фразой.

Ученый стоял на месте, точно парализованный. Со стороны казалось, что он впал в некий транс. Его взгляд неотрывно следил за губами своего начальника, но слова куда-то пропадали, растворяясь в воздухе, так и не долетая до адресата. Пожар в душе требовал немедленных действий, и плевать, какие последствия это может вызвать, но инстинкты упорно блокировали речевой аппарат.

– Юра! – нервно жестикулируя, Виссарион Иванович пытался вернуть внимание подчиненного. – Але, Юра, прием!

Неизвестно, сколько Юра так простоял, но когда подсознание отозвалось на триггер имени, функции тела стали приходить в норму.

– Да, я вас слышу, Виссарион Иванович, – смущенно ответил ученый.

– А вы, батенька, часом не больны? – голос Виссариона звучал крайне лукаво.

– Нет, просто задумался.

– Это хорошо, что задумались. Значит еще есть чем думать, а вам это скоро очень понадобится.

«Что это он имеет в виду?» – пронеслось в голове Юры предчувствие чего-то нехорошего.

Директор достал из кипы бумаг красную папку и протянул ее подчиненному.

– У нас на нижних уровнях пропала экспедиция, скорее всего живых не осталось, но у них было крайне дорогое экспериментальное оборудование. Я отдал запрос на боевую группу. Регламент требует обязательное наличие научного консультанта, думаю, вашей компетенции будет более чем достаточно.

Бегло просматривая страницы дела, Юра снова наткнулся на загадочную фамилию в звездной печати. Такого пристального внимания особистов к работе института он никак не ожидал. Вроде никакой секретности в их работе нет. По крайней мере, Юрий не был в это посвящен. Хотя...

Почувяв, что мозг опять уходит в иные миры, Юра вновь переключился на Виссариона, не дав мысли дойти до логического конца.

– Сбор завтра в 10 часов, у лифта, не опаздывать, – сурово отчеканил директор. – Все, можете быть свободны, или вы еще что-то хотели?

– У нас трубу прорвало, весь кабинет залило, – немного заикаясь доложил Юра.

– Твою мать! – Виссарион ударил кулаком по столу, волосы его встали дыбом, а изо рта вырвался клубок слюны и пара. – Я что, за каждый сортир буду отвечать?! Ты начальник отдела, вот и разбирайся!

Раньше Юра никогда лично не общался с Виссарионом Ивановичем и думал, что все преувеличивают вспыльчивость начальника. Но после этого визита inferнальный образ директора НИИ «Механики» прочно закрепился в уме ученого. После этого Юрию только и оставалось виновато попятиться назад, аккуратно прикрыв дверь.

Глава 3. Мертвый воздух

Вечер для жителей Гигахрущевки – понятие относительное и интуитивно непонятное. Во всех блоках в любое время суток существует единое световое пространство. Освещение работает всегда и почти везде, где это нужно и возможно, разве что могут переводить в энергосберегающий режим. В редких помещениях с окнами всегда стоит пасмурный день. Хотя иногда встречаются ночные пейзажи, демонстрирующие икону супрематизма двадцать четыре на семь, но из-за суеверий селиться в такие ячейки никто не хочет.

Юра хоть и считал себя свободным от оккультного восприятия мира, но жить в ночной квартире не стал бы. Уж лучше глухая стена или депрессивная серость, чем пугающая темнота. Страх темноты – не самый тяжкий порок, который можно приобрести в этих стенах. «Но если бы только он», – размышлял Юра, свернувшись в позе эмбриона на полосатом матрасе. Ожидание завтрашнего полевого выхода заставляло его члены трястись от фантомного холода. Еще будучи студентом, у него всегда получалось отмазаться от экспедиций в заброшенные зоны, что позволило ему прожить дольше шестидесяти процентов своих однокурсников. Конечно, авторитета это ему не добавляло, но между бесславной мучительной смертью и позорной жизнью он всегда выбирал последнее. И вот, спустя столько лет беготни, судьба его все же настигла.

«А может нет? – из ниоткуда вылетела мысль. – Может убежать? А куда я побегу, в заброшенные сектора? Нет, лучше забаррикадироваться в квартире. Если снять внешний вентиль, то точно не достанут, а резать – много чести, – но тут идея начала затухать. – И сколько я так просижу? День, неделю, месяц? Если Самосбор не возьмет, то еда просто кончится, и придется выходить, а там – пуля в лоб и на свалку». Никаких более продуктивных идей в голову не приходило.

Время близилось к первому часу ночи, а бушующий в крови адреналин постепенно сходил на нет. Глаза закрывались и уносили Юру в небытие снов.

Ступени, лестницы, этажи – шел по кругу бесконечный цикл спуска. Буквально пролетая причудливой спиралью, Юра бежал вниз. От кого или куда, это было не важно, он просто чувствовал, что должен спускаться все ниже и ниже. Словно где-то там, внизу, его ждет какая-то награда, без которой все его существование не имеет смысла. Этаж, ступени, лестницы – да сколько уже можно? Бег все продолжался и продолжался, Юра чувствовал, что вот-вот – и он достигнет цели. Она здесь, где-то рядом. Ступени, этажи, лестницы – уже близко? Юра попытался остановиться, чтобы посмотреть – сколько еще бежать, но ноги не послушались. Он посмотрел на них и понял, что они не двигаются, а согнуты в коленях и прижаты к телу. Юра летел и, более того, никак не мог повлиять на свое движение. Ступени, этажи, подъезд.

Яркий желтый свет дверного проема одеялом окутал тело Юры. Ноги ступили на мягкую, едва влажную траву, а по волосам прошелся теплый летний ветерок. Во все стороны, до горизонта, простирался невиданный простор. Не было ни стен, ни потолка, ни ламп. Солнце заливало лазурное небо своим бархатным светом. Раньше такие виды Юра мог видеть только на картинках из детских книжек. Когда родители ссорились, он прятался в платяной шкаф и при свете ручного фонарика подолгу разглядывал эти иллюстрации природы, мысленно убегающая в нарисованный мир. Теперь он мог пощупать рельефную кору деревьев, дышать свежим воздухом и созерцать небесное одеяло. Лежа на траве, Юра словил себя на мысли, что он впер-

вые в жизни по-настоящему счастлив. Ему хотелось остаться здесь навсегда, лишь бы больше не видеть этих проклятых стен. И сейчас казалось, что так и будет. Все уже позади.

В какой-то момент Юра почувствовал что-то неладное. Небо заволокли плотные тучи, а по всему телу прошла волна тонких маленьких иголочек. Ученый повернул голову и заметил, что трава почернела и высохла. Он попытался встать, но вылезшие из-под земли руки плотно придавили его к грунту. Юра попробовал закричать, но рот открывался безмолвно, не выпуская наружу звуки ужаса. Холодный дождь плотной стеной упал на его тело, пока руки, сжав грудную клетку, тянули Юру вниз, под землю.

Проснулся он в своей квартире, в холодном поту. Сонный паралич сдавливал легкие и не давал пошевелиться. У Юры ушло несколько секунд, чтобы разобраться в происходящем, взять себя в руки и успокоиться.

Старый будильник показывал без четверти восемь. Время на сон еще оставалось, но Юра решил, что хватит с него на сегодня. Переживать такое повторно у него не было никакого желания. На удивление, ученый недооценивал пользу ночных кошмаров. Сейчас, собираясь на работу, Юра уже не думал о неминуемой гибели. Ему просто хотелось поскорее покончить с этим и вновь вернуться к спокойной кабинетной работе.

Внезапно зазвонил телефон. Дисковый инвалид, весь перемотанный синей изоляцией, неистово барабанил по перепонкам, требуя снять трубку.

– Алло, – сонным голосом буркнул Юра. На другом конце ему ответил напуганный и одновременно поникший голос Сергея.

– Юра, тут такое дело, в общем, Васю забрали.

– Что? Как забрали? – торопливо проговорил Юра.

– Не знаю, я зашел к нему утром, а там... – замешкался Сергей. – Дверь валяется, с петель сняли, а внутри никого и все перевернуто, точно обыск был.

– Вот черт!

– Говорил я ему, а он... – надрывно сетовал Серега.

– Иди на работу и ни с кем об этом не говори, – в голосе Юры появилась уверенность. Он хотел показать коллеге, что может контролировать ситуацию. – Я скоро буду.

Душ, одежда, скорый завтрак, и Юра уже ехал в лифте на этаж института.

На выходе из кабины ему встретился скромно одетый мужчина средних лет с кудрявыми темными волосами. Лицо его излучало дружелюбие, а глаза были полны энтузиазма. На темно-синей робе красовалась нашивка с золотым обрамлением «ЖКХ».

Мужчина встретился взглядом с Юрой и улыбаясь протянул ему руку.

– О, вы, наверно, Юрий Александрович?

– Да, это я, – осторожно ответил Юра, медленно протягивая руку.

– Очень приятно, Вадим Алексеевич, главный инженер жилищно-коммунальной службы, – мужчина в меру крепко пожал руку Юрия и бодро потряс ее. – Мое руководство узнало, что вы сегодня в составе экспедиции, идете на нижний уровень. По этому случаю меня направили с вами, чтобы провести инспекцию коммуникаций, не волнуйтесь, я не помешаю вам, – активно жестикулируя и улыбаясь, продолжил Вадим. – Пока вы будете заняты своими научными делами, я осмотрю состояние труб, проводки и всякого такого прочего.

Активность собеседника не раздражала Юру, скорее немного утомляла и вызывала удивление. Ему казалось, что Вадим не совсем понимает, куда они отправляются. Либо наоборот, понимает и за своей жизнерадостностью пытается скрыть настоящие эмоции. В любом случае, у Юрия были еще дела, и временем на светские беседы он не располагал.

– Простите, мне нужно идти собираться

– Конечно, не буду вас задерживать, у меня-то все с собой, – Вадим похлопал по лежащей рядом холщовой сумке.

Пройдя в лабораторию, Юра стал торопливо ворошить содержимое бронсейфа. Его целью было найти желтый чемоданчик снаряжения для полевых исследований. Большая часть его комплекта могла и не пригодиться, но без защитного комбинезона не обойтись. Конечно, лучше было бы использовать скафандр с замкнутой воздушной системой, но последнюю партию отправили в НИИ «Слизи», так что приходится пользоваться легким снаряжением. Найдя то, что нужно, Юра вынырнул из пространства сейфа и в тот же миг увидел, как заходит Сергей. Взгляд его был никакой. Серега тихо поздоровался и сел за свой стол, не обращая внимания на своего коллегу.

– Ты в порядке? – обеспокоенно поинтересовался Юра.

– Да, – безэмоционально ответил Сергей.

– Может, по пятьдесят грамм?

– Я работаю.

– Хорошо, я просто думал...

– Нет, давай никогда не будем об этом думать!

– Ладно, – Юра решил оставить своего коллегу в покое. Видно, Сергей сейчас в не самом лучшем настроении.

Ученый закрыл тяжелую дверцу сейфа и, сжимая чемодан, направился к выходу.

Когда Юра подошел к холлу перед лифтом, его уже ждали Вадим и боец – ликвидатор в черном бронекостюме.

– А вот и вы, – радостно заметил Вадим. – Наш эскорт уже прибыл. Старшина Торк готов нас сопроводить в зону посадки.

– Прошу на задании использовать позывные, – сурово отметил военный. – Мой – Тайфун, вы будете Мессер, – указал он на Вадима, – и Бор, – посмотрел на Юру. – Не уходите ни на шаг от наших ребят, руками ничего не трогать, слушать команды лейтенанта. Вам все ясно?

– Есть, товарищ старшина, – ухмыляясь и вытянувшись по струнке ответил Вадим.

Этаж, на котором находились казармы ликвидаторов, имел очень скудное оформление, но всегда и при любых обстоятельствах там было чисто. Если не сказать стерильно. По длинному широкому коридору туда-сюда бегали щуплые новобранцы в противогазах, погоняемые толстым прапором.

– Шире шаг, мля! Будем бегать, пока мамкино молоко из жопы кефиром не пойдет! – орал кусок.

Наблюдая сие действие, Юра еще раз поблагодарил судьбу за то, что отвела от него эту участь.

Пройдя по «взлетке» и свернув налево, ученый оказался в просторном холле перед грузовым лифтом, где их ждала группа из пяти бойцов. Старшина подошел к лейтенанту и доложил о готовности.

Офицер дал команду «Взвод, смирно!».

– Бойцы, сейчас мы спускаемся на минус пятьсот восьмидесятый этаж. Это самый нижний уровень нашего блока, над нами будут еще двести незаселенных этажей. Использовать только позывные, рации не отключать, связь с командованием будет только проводная, через штаб. Кобра, это на тебе, – лейтенант указал на одного из бойцов. – Лифт доставит нас в зону разгрузки, согласно плану, там два выхода. Группа Тайфуна идет вперед и осматривает центральный. Группа Сокола занимает левый. Остальные организуют оборону у лифта, там будет штаб. Все ясно?

Взвод хором ответил: «Так точно!»

– Хорошо. С нами двое гражданских, их защита в повышенном приоритете. Научный консультант Бор пояснит нашу задачу.

Юра не ожидал, что придется выступать на публике, и вся ситуация застала его врасплох. Собираясь с мыслями, он вышел перед строем.

– Честно говоря, я никогда не был в заброшенных секторах и тем более на том этаже, поэтому не представляю, что нас ждет...

– Просто скажите, что вам оттуда достать, и мы мигом это принесем.

– Надеюсь, что все будет так просто. Мое руководство считает, что выживших нет, так что наша цель – черный ящик самоходного аппарата Велес-3. По возможности – найти тела исследовательской группы и их дневники. Любая дополнительная информация будет полезна, – сказал Юра.

Бойцы молчаливо переглядывались, демонстрируя свои незаинтересованные взгляды. Тишину нарушил лейтенант.

– Вопросы?

– Да, лейтенант, – издевательски устало отозвался боец. – Как отсюда свалить?

– Закрой рот, Беркут! – рявкнул на него старшина.

– Все, выдвигаемся! – отдал команду офицер, и строй засуетился.

Бойцы быстро загрузили ящики с оборудованием в кабину лифта и отправились в путь.

Грузовой турболифт шел очень мягко и даже бесшумно. Кабина была достаточно просторна, чтобы в ней свободно двигались девять человек, даже с учетом груза и экипировки.

Вадим вместе с Юрой стояли в углу, опираясь о цинковые ящики с боеприпасами. Инженер то и дело поглядывал на бойцов оценивающим взглядом и нервно теребил пуговицу на робе, пока не решился дернуть лейтенанта за рукав.

– А мне не положен какой-нибудь бронежилет? – поинтересовался Вадим.

– Вам он не понадобится, – ответил старшина. – Вы будете сидеть в безопасной зоне, пока ребята не зачистят помещения.

– А если Самосбор?

– Двери разгрузочной зоны полностью герметичны, они вас защитят.

– Вам ли не знать, что никакая дверь не дает стопроцентной гарантии? – вмешался Юра.

– Эй, трусишь немного? – улыбаясь, словно маньяк, подошел Беркут. – Посмотри, эта пушка стреляет бронебойно-разрывными пулями с сердечником из обедненного урана... бам! – он провел рукой по воздуху. – И череп всмятку.

Юра отвел взгляд, не желая смотреть на дешевое ребячество, но Беркут с безумным взглядом все продолжал и продолжал.

– У нас есть огнеметы, пушки, электроника! – боец ударил себя в грудь. – С нами вам ничего не грозит!

Где-то на другом конце послышался смех и раздраженное ворчание: «Умолкни, броневой», после чего Беркут закончил этот цирк и пошел на свое место.

Тем временем лифт миновал отметку минус триста. Лейтенант вышел в центр и хлопнул в ладоши.

– Так, уже на подходе, всем сверить часы. Напоминаю, когда пойдет туман, у вас есть пять минут, чтобы покинуть зону Самосбора. Рации на четвертый канал. Тайфун, Бард, готовность пять минут.

Бойцы быстро проверили свое оружие и сняли его с предохранителей. Лифт издал глухой гудок, и створки раскрылись, представив взору широкую гермодверь. Бард быстрым движением повернул вентиль и сдвинул дверь в сторону. В образовавшуюся тьму нырнули два бойца, освещая углы подствольными фонарями.

– Чисто, – сообщил Тайфун. – двигаемся дальше!

Лейтенант дал команду остальным, и взвод высыпался в помещение. Кобра подбежал к электрощиту и дернул рубильник. Включилось центральное освещение. Беркут и Сокол шустро выкатили ящики со снаряжением.

– Кобра! – крикнул лейтенант. – Подключи передатчик и компьютер к сети, мне нужна связь через две минуты.

Офицер закрыл дверь и отправил пустой лифт обратно. Юра немного напрягся.

– Зачем возвращать лифт, ведь он может понадобиться?

– Согласно инструкциям, по прибытию на место все турболифты должны быть немедленно возвращены на казарменный этаж. Они общие и могут потребоваться другой группе в любой момент.

Группа Сокола заняла левый проход и продвигалась дальше. Пространство освещалось светом тусклых аварийных ламп, вдоль всей длины потолка проходили ржавые трубы, на стыке которых наблюдалась слабая течь.

– Двигаемся вдоль левого коридора, пока чисто, – доложил Сокол.

– Ага, чисто, – сморщил нос Беркут. – Тут воняет, как у прапора в заднице!

– Двигайтесь осторожно, – сообщил голос по рации. – В конце должен быть вход в коллектор блока. Осмотрите его и ждите дальнейших указаний.

– Вас понял, центр, конец связи.

Между тем Тайфун и Бард шли по центральному коридору, который представлял из себя жилую зону. Точнее, он мог бы быть жилым. Множество незаселенных квартир общажного типа были аккуратно обставлены минимальным набором мебели. Никаких изысков, но жить можно. Только пыль смахнуть, и хоть сейчас отмечай новоселье.

– Центр, не хотите поменять свое койко-место на королевские апартаменты?

– Не засоряйте канал, что у вас?

– Идем по жилому сектору, пока ничего.

Внезапно свет фонаря выхватил впереди тень, пролетевшую из одной квартиры в другую – напротив.

– Центр, видим движение, десять метров! – доложил Тайфун и сжал автомат покрепче.

Медленно, обдумывая каждый шаг тяжелого сапога, бойцы подходили к полузакрытой двери. Заняв позиции по обе стороны, Тайфун жестами приказал Барду подготовить огнемёт и войти внутрь на счет три... два... один.

Огнемётчик выбил ногой дверь и уже приготовился сжечь тварь, но на месте уродливого мутанта оказалась летучая мышь, мирно поедающая свежепойманную лягушку. Животное бросило в сторону бойцов презрительный взгляд и продолжило свою трапезу.

– Черт, – облегченно выдохнул Бард.

– Ложная тревога, центр, продолжаем осмотр, – старшина положил руку на плечо бойца и приказал двигаться дальше.

Группа Сокола вошла зону коллектора.

– Фу, вонь здесь еще сильнее! – не унимался Беркут.

– Сокол, что вы видите?

– Вошли в коллектор блока, повсюду вода и бытовые отходы, – шмякая толстой подошвой по вязкой массе, доложил Сокол. – Освещение не работает.

– Принято, – отозвался лейтенант. – Осмотрите секцию и возвращайтесь назад.

– Вас понял, центр.

– Погоди, – остановил товарища Беркут. – Ты слышишь?

Издали, в темноте, доносились слабые шлепающие звуки. Сокол направил фонарь в сторону шума, но густой туман от испарений гниющих отходов не давал рассмотреть источник. Бойцы осторожно пошли вперед, сохраняя молчание. По мере приближения звук становился отчетливее. Резкие шлепки с неровными интервалами разбавил аккомпанемент из тихих всхлипов и тяжелого дыхания.

На расстоянии семи метров стал виден силуэт человека в оранжевом комбинезоне. Он медленно волочил босые, избитые в кровь ноги, вдоль спины проходило множество длинных рваных ран.

Когда ликвидаторы подошли ближе, силуэт медленно повернулся. Это была молодая темноволосая девушка. Она промокла до нитки, все ее тело тряслось от холода и было покрыто множеством царапин. Защитный комбинезон изорван в клочья и обнажал истерзанную грудь.

– Добрый вечер, мадемуазель, – игриво пропел Беркут, высвечивая фонарем зону декольте.

Девушка вытянула руки в сторону фонарей и тихо прохрипела

– По... мо... ги... те, – после чего, спотыкаясь, из последних сил бросилась вперед и упала на плечи Сокола, потеряв сознание.

Командир хотел было нажать на спусковой крючок, но палец остановился. Она не выглядела, как что-то опасное, скорее наоборот – беспомощное. Девушка едва сохраняла силы, чтобы просто жить.

– Центр, у нас тут живой гражданский, подготовьте медицинскую помощь и комплект сухой одежды, – доложил Сокол, передавая свое оружие товарищу, чтобы взять пострадавшую на руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.